

По пути на вершину горы он снова увидел своего двоюродного брата. Брат подошёл поговорить с А-Да, затем с Вороном. На протяжении всего времени он не взглянул на брата Цуна ни разу, будто они действительно незнакомы.

Брат Цун не понимал, почему его двоюродный брат, такой же, как и он, мог ходить с Вороном и захватывать пленных. Как он мог быть так жесток к своим же и как мог забыть о своих родных и спокойно жить здесь.

Брата Цуна мучило много вопросов, но он не осмеливался задать ни одного.

Добравшись до вершины, он увидел огромный камень. На камне красной киноварью был нарисован тотем: люди, животные, факелы, различные орудия труда.

В самом центре была изображена огромная саламандра, окружённая людьми и животными, словно верховный владыка зверей.

Камень был освещён огнями, и тотем выглядел ещё более устрашающе.

Люди Кушань образовали круг, мужчины и женщины сняли верхнюю одежду. Мужчины обнажили свои татуированные торсы, а женщины закатали рукава и штанины, начав разжигать угли.

Несколько пожилых людей держали в руках различные музыкальные инструменты, странной формы, и брат Цун, кроме барабана, не узнал ни одного.

Они заиграли музыку рядом с камнем, мелодию, которую брат Цун смутно слышал в тот день, когда его захватили.

Барабанный бой был частым, мелодия переливалась. Женщины выложили угли в виде дорожки, и мужчины босиком прошли по ней, шагая в ритме барабанов.

Огни плясали, и живые люди сливались с изображениями на скале, становясь неотличимыми. Единственное отличие было в том, что на тотеме люди окружали саламандру, а здесь они обходили огромный камень.

А-Да стоял рядом с братом Цуном, и вскоре его увели. Он снова сел на высокий стул, и его подняли, чтобы он мог смотреть на деревню сверху вниз.

Несколько детей несли кувшины с вином размером с бочку, и нос брата Цуна сразу наполнился резким запахом алкоголя.

Кувшинов было не меньше десяти, и они тоже образовали круг.

Теперь вокруг камня было три концентрических круга: первый — музыканты, второй — кувшины с вином, третий — женщины с незатухающими факелами, а самый внешний круг — полуобнажённые мужчины, похожие на демонов.

В центре был камень, рядом с которым стояли мужчина и женщина. На них были маски, изображающие животных, которых было трудно разглядеть.

Когда всё было готово, А-Да поднял руку. Музыка и барабаны внезапно стихли, и все взглянули на А-Да.

Время, казалось, замерло на три секунды, в течение которых мужчины стояли босиком на

раскалённых углях.

Воздух стал тихим, и, оглядевшись, брат Цун увидел, что небо было чёрным, горы были чёрными, скалы были чёрными, озёра были чёрными. Только вершина горы была освещена, она тихо горела, словно единственный костёр, пронзающий небо и разрывающий тьму.

Рука А-Да была поднята, и татуировка саламандры на его руке была освещена огнём.

Через три секунды он опустил руку. Мужчины из внешнего круга и женщины из внутреннего разошлись, пропуская двух полуобнажённых мужчин, которые вели измождённого солдата.

Одежда солдата была настолько грязной, что трудно было разглядеть её первоначальный цвет. Его лицо было покрыто грязью и кровью. Глаза были завязаны чёрной тканью, а рот плотно заткнут.

Казалось, он прошёл через жестокие пытки и был полностью измотан. Его тащили к центру, и, подталкивая, заставили взойти на камень.

А-Да спустился с высокого стула и, поднявшись на камень, встал за спиной солдата.

Он начал говорить на местном языке, и каждый его возглас сопровождался ответом толпы.

С каждым криком солдата пинали, заставляя его опуститься на колени.

Солдат слабо стонал, и его голос звучал громко и резко в тишине вершины.

На вершине были сотни людей, но, кроме возгласов, никто не произносил ни слова. Все затаив дыхание наблюдали за происходящим на камне, и даже сердцебиение и дыхание стали слышны.

При втором возгласе один из мужчин подошёл и снял с солдата чёрную повязку, открыв его полные ужаса глаза.

Осознав, где он находится, его страх превратился в отчаяние. Он оглядел толпу у подножия камня, и всё его тело задрожало, как в лихорадке. Затем он начал безумно бороться, но у него уже не было сил, и его крепко держали двое, не позволяя двигаться.

А-Янь незаметно подобрался к брату Цуну и схватил его за руку. Брат Цун притянул его к себе, чтобы А-Янь прижался к нему.

А-Янь тоже дрожал. Он, как и брат Цун, хотя и был солдатом, никогда не видел такого. Брат Цун велел ему не смотреть, похлопал по спине и прижал его голову к своему плечу.

При третьем возгласе А-Да вытащил изогнутую саблю из ножен.

В момент, когда сабля вышла из ножен, брат Цун, казалось, услышал, как она рассекает воздух.

Наконец он произнёс четвёртый возглас, и на этот раз толпа не ответила. Он сделал полшага вперёд, схватил солдата за голову, откинул руку назад, и сабля опустилась на шею.

Кровь хлынула из разреза, стекая по камню.

Рука А-Да напряглась, сила была яростной. Его раненная рука, всё ещё перевязанная бинтами,

снова открылась, и на бинтах появилось кровавое пятно.

Солдат обмяк, и только кровь продолжала течь из его шеи. Кровь стекала по камню, проходя через красный тотем, и достигала почвы у основания камня.

Раздались ликующие крики, барабаны заиграли снова. Женщина сделала глоток вина и выплюнула его на факел в правой руке. В мгновение ока десятки факелов вспыхнули ярче, и огонь поднялся в небо, словно собираясь поджечь тьму.

А-Янь прижал лицо к одежде брата Цуна, дрожа всем телом. Брат Цун же пристально смотрел на А-Да на камне, и по его спине пробежал холод.

Когда кровь почти перестала течь, А-Да наконец убрал саблю.

Он отпустил руку, и солдат, как пустой мешок, упал на камень.

А-Да взял тряпку, которую ему протянул один из людей, вытер кровь с лезвия, вложил саблю обратно в ножны и ушёл с камня.

Только тогда брат Цун очнулся. Он обнял А-Яня и сказал:

— Всё в порядке, выпей вина, оно поможет перестать дрожать.

Но, произнося это, он заметил, что его голос тоже дрожит. Оказывается, он тоже дрожал, так же, как и А-Янь.

Брат Цун наконец понял, почему днём А-Да сказал, что одежды будет недостаточно. Холод исходил изнутри.

Огонь на лезвии не мог согреть, кровь и жизнь не могли согреть, горящие угли и страстный танец тоже не могли согреть. Поэтому нужен был алкоголь, чтобы заставить застывшую внутри жидкость закипеть и сделать ужасную сцену далёкой и нереальной.

Брат Цун подошёл к кувшину, и женщина дала ему фарфоровую чашу. Он зачерпнул вина и выпил несколько глотков.

Вино стекало по его подбородку, а желудок и пищевод горели.

Он снова зачерпнул и выпил ещё. Только когда его тело снова почувствовало жизнь, он передал чашу А-Яню, чтобы тот сделал то же самое.

Он обернулся к танцующим. Теперь они уже не стояли кругом, а разожгли несколько костров, разбросав огонь по всей вершине.

Брат Цун взглянул на высокий стул. А-Да всё ещё сидел там. С одной стороны был его двоюродный брат в соломенной шляпе, с другой — Ворон в плаще.

Единственное отличие от того дня, когда брата Цуна захватили, было в том, что теперь А-Да тоже держал в руке кувшин с вином. Он время от времени делал глоток и продолжал наблюдать за своей деревней и людьми.

Брат Цун не мог разглядеть его лицо, но чувствовал, что А-Да смотрит на него. Казалось, он молча говорил брату Цуну: «Вот каков Кушань».

Брат Цун боялся. Он боялся не только А-Да, но и здешних обычаев, здешних гор, здешних рек, канатов и мостов, перекинутых через них, а также камня, покрытого тотемом.

Но в нём также была ненависть. Он ненавидел дикость и бесчеловечность здешних людей.

<http://bllate.org/book/16300/1470113>